

ВАСИЛЕ БУГА

РУМЫНО-СОВЕТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СПОРЫ В 1960–1980-Е ГОДЫ¹

ROMANIAN-SOVIET HISTORIOGRAPHICAL DISPUTES IN THE 1960S–1980S

The article examines the evolution of Romanian-Soviet disputes over the interpretation of their shared history in the 1960s–1980s. It demonstrates how historiographical debates surrounding Bessarabia, the “Moldovan nation”, and the role of Russia and the USSR in the Balkans became a significant factor in bilateral relations. Drawing on recently studied archival material from Chişinău (memoranda of the Central Committee of the Communist Party of Moldavia and the Central Committee of the Communist Party of Ukraine, KGB records, party reports and ideological summaries) as well as from Moscow, it reconstructs the mechanisms of coordinated action by the Union republics – above all the Moldavian SSR – in shaping an alarmist perception of Bucharest’s policies in Moscow. The article shows how disputes over the interpretation of the Russo-Turkish wars, the incorporation of Bessarabia in 1812, the events of 1918 and 1940–1944, and the very existence of an independent Moldovan nation were transferred into school textbooks, encyclopaedias and works of literature, and became the object of ongoing ideological supervision, censorship and diplomatic *démarches* (ranging from the withdrawal of Nicolae Iorga’s works to campaigns around the novels of Marin Preda and Dumitru Popescu). Particular attention is paid to the comprehensive plan for an ideological response to Romanian propaganda developed in Chişinău, which envisaged the publication of specialised studies, the revision of curricula and the restriction of Romanian publications. The author argues that it was the persistent initiatives of the leadership of the Moldavian SSR, invoking the threat of the “Bessarabian question”, that largely determined the rigidity of the Soviet line towards Romania. At the same time, with the onset of Perestroika, these contentious historiographical issues were gradually marginalised within the agenda of high-level bilateral contacts.

Keywords: Romanian-Soviet relations, historiographical disputes, Russo-Turkish Wars, Balkans, Bessarabian question, Second World War, Moldavian SSR

Vasile Buga – PhD in History, Distinguished Researcher, National Institute for the Study of Totalitarianism (Romanian Academy); Scientific Coordinator of the Florin Constantiniu Center for Russian and Soviet Studies. E-mail: vasilebuga@mail.com. ORCID: 0009-0006-8403-8170

¹ *Citation:* VASILE BUGA, „Rumyno-sovetskie istoricheskie spory v 1960-1980-e gody” [Romanian-Soviet Historiographical Disputes In The 1960s–1980s], *RussianStudiesHu* 8, no. 1 (2026): 113–130. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.7

Если до 1960-х годов чувствительные проблемы в отношениях между Румынией и СССР держались под строгим идеологическим контролем, ибо считались табу в румынской историографии, то постепенно они стали выходить на поверхность, что было связано с процессами дистанцирования от Москвы. Речь шла о важных моментах в истории румыно-русских отношений и румыно-советских отношений: включение Бессарабии в царскую империю, румыно-русское сотрудничество во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов; объединение в 1918 годов Бессарабии и Северной Буковины с Румынским Королевством; румыно-советские отношения в межвоенный период; ультиматум, предъявленный Румынии советским правительством в июне 1940 года, после которого Бессарабия, Северная Буковина и уезд Герца были присоединены к СССР; участие Румынии наряду с гитлеровской Германией в войне против Советского Союза (июнь 1941 – 23 августа 1944 гг), а также о формировании «молдавского народа», «молдаванского языка», «молдавской государственности» и т.д.

Новые документы, введенные в научный оборот исследователями из Республики Молдова Георге Кожокару, Еленой и Георге Негру, отражают скоординированное действие Кишинева и Москвы против Бухареста. Примером в этом отношении является письмо ЦК КП Молдавии, адресованное 1 июля 1966 года ЦК КПСС, в котором обращалось внимание на то, что в партийных и общественных кругах Румынии наблюдалась тенденция к «ревизии и фальсификации самых важных тезисов, относящихся к историческому прошлому и к настоящему молдавского народа»². «На протяжении последнего века – уточнялось в письме, – все правительства Румынии независимо от их политической ориентации признавали освободительную миссию России на Балканах, ее решающую роль в освобождении Дунайских Княжеств от турецкого ига и их объединение в едином румынском государстве ... Вопреки историческим фактам и сложившимся традициям, в опубликованных материалах в последнее время, особенно по случаю 107-летия формирования румынского государства, это событие трактуется в новой манере – в противоречии с общепринятой исторической действительностью. Явно проигнорирована освободительная миссия России»³. В этой же связи в документе были приведены выдержки из статей, опублико-

2 E. NEGRU, GH. NEGRU, *“Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Vol. 1 (1965–1975)* (Chișinău: Institutul Cultural Român, 2013), 138.

3 Ibid.

ванных в мае 1966 года в газете «Scînteia» – главном печатном органе ЦК РКП.

С точки зрения ЦК КП Молдавии, подобное отражение исторического прошлого Румынии не ограничилось лишь «умолчанием исторической роли России в судьбах балканских народов», но и стремлением показать, что, подобно другим монархиям, Россия «преследовала такие же цели оккупации чужих территорий и порабощения других народов». Обращалось также внимание на то, что подобные тенденции могли ослабить «чувство признательности и дружественные связи по отношению к русскому народу со стороны других балканских народов»⁴. Для сохранения «симпатий балканских народов к России» считалось полезным издание совместными усилиями ученых СССР, Румынии, Болгарии, возможно Югославии и Венгрии, научного труда об освобождении Балкан от османского ига.

В письме уточнялось, что в стремлении «оправдать оккупацию Бессарабии в начале 1918 годов», буржуазные идеологи Румынии ошибочно интерпретировали вопрос о румынской нации, «стали игнорировать факт существования независимой молдавской нации» и «отождествлять молдован с румынами». В этой связи партийное руководство Кишинева обращало внимание на то, что официальные документы, литературные произведения, средства массовой информации стали распространять материалы, в которых ошибочно характеризовались «многие буржуазные личности прошлого». Они представлялись в качестве «крупных революционеров, в то время, когда некоторые из них (Николае Йорга, Октавиан Гога, Константин Стере, Титу Майореску) были яркими реакционерами, буржуазными националистами и предателями молдавского народа». Указалось, что в румынской периодической печати появлялись оттиски из произведений деятелей культуры прошлого, которые содержали «категорические утверждения о том, что все молдоване являются румынами». По мнению коммунистических деятелей Молдавской ССР, в результате присоединения Бессарабии к России и развития капиталистических отношений «в крае стала формироваться молдавская нация, процесс начавшийся раньше по сравнению с Румынией, где он начался лишь через 47 лет»⁵.

В силу этих обстоятельств – отмечалось далее, – «молдавская нация и румынская нация» формировались «самостоятельно, на разных

⁴ Ibid, 139.

⁵ Ibid, 141.

территориях, в различных условиях». Молдавская нация – под влиянием России, а румынская – под влиянием западных стран, в первую очередь Франции. В результате этих разных направлений развития двух наций «установились глубокие различия в традициях, культуре, языке, чаяниях этих народов»⁶.

Глухая война по этим вопросам на историографическом фронте продолжалась с согласия советских центральных властей. В Румынии констатировали появление в Советском Союзе различных трудов и публикаций, представляющих в «извращенном виде» историю Румынии и румыно-русских/советских отношений. Это наблюдалось, в основном, в школьных учебниках, в которых Румыния изображалась в виде экспансионистского государства, Присоединившего после Первой мировой войны новые территории, оккупировавшего Бессарабию и Буковину, атаковавшего Советскую Венгрию. Сходные идеи, как считалось в Бухаресте, были распространены в научных исследованиях. В этом контексте советский историк Николай Иванович Лебедев характеризовал как «клеветническое» утверждение буржуазной историографии, согласно которому Румыния была вынуждена попросить помощи со стороны стран сил Оси против большевистского давления. В действительности, критикуя этот тезис, автор имел в виду румынских историков, которые продвигали его в своих работах. Более того, Лебедев утверждал, что правящие румынские круги «давно готовились к войне против СССР, питая планы аннексии советских заднеэстровских территорий»⁷. В частности автор писал о том, что «румынские фашисты так же варварски, как и немецкие оккупанты, разрушали и грабили на оккупированных советских территориях культурные ценности, имущество государственных предприятий, колхозов, общественных учреждений и т.д. Ограбление оккупированной территории румынскими войсками проводилось планировано под руководством специального административного органа»⁸.

Автор также критикует идеи, высказанные в трудах западных историков, которые минимизировали победу советских войск в ходе Ясско-Кишиневской операции, а также роль СССР и его вооруженных сил «в освобождении Румынии от ига немецкого фашизма»⁹. Вместе

6 Ibid.

7 Н. И. ЛЕБЕДЕВ, «Некоторые вопросы внешнеполитической истории Румынии в освещении буржуазной историографии», *Новая и новейшая история*, по. 3 (1967), 150.

8 Ibid.

9 Ibid, 153.

с тем автор признает, что вооруженное восстание в августе 1944 года в Румынии нарушило фашистские планы организации обороны на линии «Фокшанские ворота» и облегчило «значительным образом наступление Советской Армии в Юго-Восточной Европе». Лебедев пишет, что в период 24–31 августа «патриотические отряды, руководимые Коммунистической партией, и румынские войска внутри страны разоружили и взяли в плен 53 тыс. гитлеровских солдат и офицеров», и что, переходя на сторону антигитлеровской коалиции, «Румыния активно участвовал на завершающем этапе войны против фашистской Германии, внесла достойный вклад в одержание совместной победы»¹⁰.

Показательным для поведения советских властей, на этот раз в Украинской ССР, является письмо, подписанное Федором Даниловичем Овчаренко, секретарем ЦК КП Украины по идеологии, который 12 июня 1968 года информировал Отдел Пропаганды ЦК КПСС о том, что в 1966 году в Румынии была издана тиражом в 40 000 экземпляров книга «буржуазного историка» Николая Йорги «История Штефана Великого» (*Istoria lui Ștefan cel Mare*). В письме указалось, что «в настоящее время труды Н. Йорги получают распространение, и им официальные круги СРР дают высокую оценку вопреки тому, что в его книгах проводится антимарксистская, шовинистическая концепция истории румынского народа и государства». Автор письма отмечает, что в данной книге Йорга «старается обосновать право Румынии и над частью нынешней Ивано-Франковской области. Книга проникнута враждебностью к русскому народу ... Идеи, касающиеся принадлежности Буковины и других нерумынских территорий к Румынии, обоснованы Н. Йоргой и в других трудах»¹¹. После этого письма, рассмотренного на уровне ЦК КПСС, книга Йорги была изъята из книжных магазинов¹².

Следует отметить, что аспекты, отражающие озабоченность советской стороны в отношении трактовки исторических фактов, можно найти и в отчетах делегаций, посетивших Румынию. Примером может служить отчет делегации партийных активистов КПСС во главе с Сергеем Георгиевичем Щербаковым, заместителем заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, посетившей Румынию (25 ноября – 4 декабря 1968 года) для обмена опытом работы в области образования и науки. Помимо констатаций, отражающих позитивные

¹⁰ Ibid.

¹¹ Российский государственный архив новейшей истории, ф. 5, оп. 60, д. 31, л. 156–158.

¹² Ibid, л. 174.

изменения в этих сферах деятельности, в отчете подчеркивался и ряд спорных аспектов. «Специфические черты политической эволюции в последние годы – отмечают члены делегации, – наложили отпечаток на систему образования в стране. Молодое поколение воспитано в национально-патриотическом духе близком к элементам национализма ... Под предлогом возрождения национальной традиции был возрожден в определенной степени ряд националистических, распространенных еще в буржуазно-помещичей Румынии, концепций. Между прочим, подход с классовых позиций в оценке событий, роли и места ряда исторических личностей и их идеологического наследства в ряде случаев заменен объективистскими интерпретациями». В отчете отмечалось также, что делегация смогла убедиться в том, что «идет речь о ревизии предыдущих оценок о роли и значении России и Советского Союза в развитии Румынии», и что из учебников литературы «исчез тезис о социалистическом реализме в качестве главного метода социалистического искусства и был заменен концепцией «гуманного социализма» и «румынского реализма».

Касаясь содержания учебников истории для средней школы, авторы отчета подчеркивают тот факт, что «уменьшается историческая прогрессивная роль нашей страны в освобождении Румынии от турецкого ига и гитлеровской оккупации, ослабляется антисоветская сущность политики ряда буржуазных правительств в период между двумя мировыми войнами»¹³, «ничего не говорится о бескорыстной помощи, оказанной СССР в восстановлении и развитии народного хозяйства в послевоенный период»¹⁴. Члены делегации обращают также внимание на положение преподавания русского языка в Румынии. «Русский язык – пишут они, – который входит в обязательную программу всех средних школ, изучается в настоящее время лишь 20%–25% школьников».

Самыми яркими критиками политики румынского руководства продолжали быть коммунистические деятели Кишинева. В отношении содержания «Маленького энциклопедического словаря», изданного в Бухаресте в 1972 году, руководство местной Коммунистической партии сформулировало ряд замечаний, касающихся статей, относящихся к истории Молдавии. Так Петр Кириллович Лучинский, секретарь Коммунистической партии Молдавии по идеологии, негодуя по поводу «извращения исторической правды», в письме, адресованном в ЦК

¹³ Российский государственный архив новейшей истории, ф. 5, оп. 61, д. 61, л. 7.

¹⁴ Ibid, л. 8.

КПСС, указывал на недопустимость идентификации Молдавского княжества с Румынией¹⁵. Обращалось также внимание на то, что в статье о русско-турецких войнах подчеркивались «лишь жадные субъективные цели русского царизма», не говорилось ничего об «объективно-прогрессивной важности освобождения народов Балканского полуострова от турецкого ига»¹⁶.

Одновременно советские историки продолжали в прежней традиции писать об участии Румынии во Второй мировой войне. В брошюре «Освободительная миссия Советской армии», написанной генералом Сергеем Матвеевичем Штеменко, изданной Обществом «Знание», был брошен упрек в отношении того, что вопреки предложениям, сделанным Советским Союзом, ни польское, ни румынское правительства не проявили желания договориться с СССР в отношении совместных действий с целью предотвращения агрессии фашистской Германии¹⁷. Также в брошюре отмечалось, что с точки зрения вклада Румыния явилась «одним из самых важных союзников Германии», и что «монархо-фашистские круги поставили на службу Гитлера все материальные и людские ресурсы страны». О существенном вкладе, Румынии в антифашистскую войну была лишь одна короткая фраза: «На заключительном этапе войны в разгром фашизма внесли свой вклад болгарские, румынские и венгерские войска»¹⁸.

На разногласия, появившиеся в румыно-советских отношениях в трактовке ряда исторических вопросов, обратили внимание иностранные наблюдатели. В анализе, сделанном Отделом пропаганды и агитации ЦК Румынской коммунистической партии в 1975 году, отмечалось что в некоторых западных публикациях появились свидетельства, указывающие на различную интерпретацию Бухарестом и Москвой роли внутреннего и внешнего факторов в осуществлении румынского вооруженного восстания 23 августа 1944 года. В большинстве статей и комментариев – указалось в анализе, – утверждалось, что существует «противоречие» между либерализмом внешней политики и «ортодоксальной», «жесткой» внутренней политикой. Подобной политикой, как считалось, Румыния пыталась «предотвратить

15 E. NEGRU, GH. NEGRU, *“Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei*, 580.

16 Ibid, 582.

17 С. М. ШТЕМЕНКО, *Освободительная миссия Советской Армии* (Москва: Знание, 1975).

18 Arhivele Naționale Istorice Centrale. Fond C.C. al P.C.R. Secția Propagandă și Agitație, dosar nr. 17/1975, 28–29.

советское давление» и избежать судьбы, похожей на судьбу Чехословакии в 1968 году¹⁹.

Особенную критическую позицию руководства Кишинева отражала записка «О фактах фальсификации в СРР исторических событий и о мерах по предотвращению негативных эффектов в Молдавии», которая была направлена 27 июня 1975 года в ЦК КПСС. В частности отмечалось, что некоторые труды, опубликованные в Румынии в начале 1970-х годов, отражали ясно и безоговорочно «концепции историков буржуазно-помещичьей Румынии об этнографическом происхождении дунайских народов и континуитете развития румынской нации с древнейших времен до наших дней». На основе этой «псевдонаучной теории отрицался факт формирования в эпоху феодализма ряда восточно-романских народов, в том числе молдавского». Речь шла о таких работах, как «История Румынии» (*Istoria României* [1970]), «История румынского народа» (*Istoria poporului român* [1970]), «Великий конфликт XX века: Вторая мировая война» (*Marea conflagrație a sec. XX: Al doilea Război mondial* [1971]), «Исторический атлас» (*Atlas istoric* [1971]), «Формирование румынской нации и единого румынского государства» (*Formarea națiunii române și a statului român unitar* [1974]) и др. Далее в записке отмечалось, что несмотря на факты, доказывающие «прогрессивную роль России на Балканах, которая не отрицалась даже фашистским правительством Антонеску, признавалась в прошлом, в условиях анти-советской тенденции румынских деятелей она представлена во враждебном духе по отношению к Советскому Союзу». В этом контексте указывалось на то, что в последние два-три года румынские публикации представляли участие России в балканских войнах как исключительно захватническое²⁰.

Применительно к истории Второй мировой войны, в документе говорилось, что для объяснения событий, связанных с первоначальным периодом войны, румынские ученые «прибегли к реакционной буржуазной теории о „двух агрессорах“, не признавая роли Советской армии в освобождении Румынии». Авторы записки специально подчеркнули, что в речи, произнесенной 28 марта 1975 года на торжественном собрании в честь юбилея Партийной академии имени Штефана Георгиу, Генеральный секретарь РКП Николае Чаушеску дал новый толчок «постоянной фальсификации исторической науки в СРР и нагнетанию

¹⁹ Ibid, 21.

²⁰ E. NEGRU, GH. NEGRU, “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei, 593.

политической ситуации вокруг так называемого независимого курса в политике румынских руководителей²¹. «После этого выступления – продолжали авторы записки, – на страницах румынской печати, в передачах радио и телевидения началась новая «кампания извращения» истории возникновения румынской нации, румынского государства и соседних государств, фальсификация настоящих событий Второй мировой войны и особенно событий, связанных с включением Бессарабии в состав СССР. Помимо этого, во всех публикациях вырисовывалась единственная цель – «доказать незаконность существования молдавской нации и государственности». «Подобное враждебное по отношению к нашей стране поведение – подчеркивалось далее в записке, – которое отражено в научных трудах и политических выступлениях, создает румынскому народу ошибочное мнение о политике КПСС и советского государства, нездоровое отношение к Молдавской ССР»²².

Весьма серьезным выглядит вывод авторов записки, согласно которому «антироссийские и антисоветские тенденции в деятельности историков, философов и других румынских ученых, а также работников печати, общественных организаций» были скоординированы в центре и проводились «с целью навязать идею нарушения границ, расчленения народов и создавать искусственно бессарабский вопрос»²³. Более того, в записке отмечалось, что в последние годы усилилась отправка в Молдавскую ССР ряда румынских публикаций, в которых выражались «территориальные претензии к Советскому Союзу»²⁴.

Подобные примеры приводят нас к выводу, что ключ для понимания все более участвовавших опасений советского руководства и его претензий к Румынии в 1975–1976 годы лежит в алармистских информационных, передаваемых в Москву из Кишинева. Подобные ситуации способствовали формулированию все более жесткой позиции СССР к румынскому руководству.

Дипломатический инцидент произошел в 1975 году при издании романа «Бред» (*Delirul*) румынского писателя Марина Преда. Бывший секретарь ЦК РКП Корнел Буртикэ вспоминал, что советское посольство в Бухаресте «на базе указаний, полученных из Москвы, выразило протест в связи с выходом романа, мотивируя его тем, что в романе был реабилитирован бывший руководитель Румынии, маршал Ион Антоне-

21 Ibid, 595.

22 Ibid, 596.

23 Ibid.

24 Ibid, 597.

ску (1940–1944 годы), и что не были показаны аспекты борьбы румынского рабочего движения тех лет»²⁵. Бывший румынский партийный деятель отмечал, что проинформировал об этом генерального секретаря РКП Николае Чаушеску, и тот рекомендовал ему поговорить с автором о советском протесте. Через несколько дней Марин Преда сообщил румынскому деятелю, что нашел решение – «корректурa» второго издания романа. Корнел Буртикэ категорически отрицает, что писателю подсказали, как изменить роман, ибо тот «не был человеком готовым допустить, чтобы кто-нибудь диктовал ему, что писать и как писать»²⁶.

Вопреки достигнутому на высоком уровне договоренностям прекратить споры по историческим проблемам, румыно-советские отношения продолжали оставаться напряженными. В этом смысле показательны 107 документов, открытых историками Еленой Негру и Георге Негру в Архиве Общественно-политических организаций, в Архиве МВД и в Архиве службы информации и безопасности Республики Молдова²⁷. На основе Постановления ЦК КПСС от 15 октября 1975 года под названием «О дополнительных мерах в идеологической области в связи с усилением румынской националистической пропаганды, ущемляющей интересы СССР», кишиневские власти приняли широкий план на 1976–1980 годы, предлагая меры по линии Отделов пропаганды, науки, учебных заведений, информации и международных отношений ЦК КП Молдавии, а также Академии наук, Министерства культуры и средств массовой информации, призванных привести к выполнению задач, поставленных из Москвы. В частности, средствам массовой информации предписывалось распространить материалы, имеющие целью разоблачение попыток западных и румынских органов информации «искажать прошлое и настоящее молдавского народа, суть русско-румынских и советско-румынских связей...»²⁸. Академия наук и другие центральные учреждения должны были опубликовать монографии, сборники, статьи и документы об истории Румынии, русско-румынских и советско-румынских отношениях, пересмотреть содержание учебной программы, переиздать учебники истории и географии, литературы, в которых «следовало

25 R. CHELARU, *Culpe care nu se uită. Convorbiri cu Cornel Burtică* (București: Curtea Veche, 2001), 82.

26 Ibid.

27 E. NEGRU, GH. NEGRU, "PCM și naționalismul: Documente adunate în cadrul programelor de cercetare efectuate de către Comisia pentru studierea și aprecierea regimului totalitar comunist din Republica Moldova", *Destin românesc: Serie nouă*, no. 5–6 (2010), 69–70.

28 Ibid, 71.

отражать ясно и убедительно вопросы, связанные с формированием молдавской нации, молдавской государственности, роли русского и советского народов в судьбах молдавского народа, критиковать буржуазно-националистические концепции по этим проблемам»²⁹.

На занятиях по общественным наукам в учебных заведениях преподаватели должны были критиковать «искажения, фальсификации румынскими политиками и историками проблем, касавшихся румыно-русских и румыно-советских отношений, решения Коминтерна». Другим центральным учреждениям были даны указания, чтобы в произведениях искусств была показана борьба молдавского народа «за освобождение от ига румынской оккупации», «нейтрализацию» попыток румынской стороны использовать туристические связи в целях «националистической пропаганды», ограничения распространения в Молдавской ССР румынской литературы и румынских публикаций содержащих националистические «ревизионистские идеи»³⁰.

Руководство Кишинева имело также в виду принятие мер, обеспечивающих координацию работы центральных органов и органов Молдавской ССР в целях «нейтрализации националистической пропаганды румын», обеспечение приема в хороших условиях программ центрального телевидения на территории Молдавской ССР, улучшение «патриотического и интернационалистического воспитания» населения.

В письме ЦК КП Молдавии, адресованном 26 мая 1976 года в ЦК КПСС, сообщалось о новых фактах «грубого извращения» в Румынии исторических событий, связанных с «проблемами формирования и развития молдавского народа, его государственности, русско-румынских и советско-румынских отношений»³¹. Обращалось также внимание на рост количества публикаций, имеющих «шовинистический и националистический характер», особенно в перспективе празднования годовщины столетия провозглашения государственной независимости Румынии³².

«Современная румынская, историческая, общественно-политическая и художественная литература – отмечалось далее, – затрагивая события, связанные со Второй мировой войной, не только умалчивает зверства румынской армии на оккупированных территориях, но доказывает, что она совершила историческое дело в целях возвращения потерянных территорий и сохранения национального единства.

29 Ibid, 71–72.

30 Ibid, 72–73.

31 Ibid, 91.

32 Ibid, 93.

Она видит ошибку правящих кругов не в участии в войне против СССР, а в том факте, что румынская армия шла дальше Днестра»³³.

После упоминания ряда исторических румынских публикаций, в письме отмечалось, что вопреки известным заявлениям Генерального секретаря РКП Николае Чаушеску 2 июня 1976 года об отсутствии у Румынии территориальных претензий к СССР и другим соседним странам, в Румынии проводится «активно и настойчиво систематическая, сконцентрированная работа по пропаганде исторических, антинаучных, антимарксистских концепций, воспитанию среди румынского народа националистических, антисоветских, антимолдавских концепций, по их распространению на Западе и их проникновению в МССР»³⁴.

На этом фоне не удивляют меры, принятые советскими властями в деле запрещения показа в апреле 1977 года документального фильма «Независимость – вековое стремление румынского народа» (*Independența – năzuința de veacuri a poporului român*) в рамках мероприятий, посвященных столетию провозглашения независимости. Румынскую сторону попросили снять с выставки, посвященной этому событию, картину, изображающую момент, когда комендант турецких войск Осман-Паша сдается в плен представителям румынской армии.

Нередки были случаи, когда как румынская, так и советская сторона не разрешали включение в бюллетени посольств обеих стран («Румынские горизонты» (*Orizonturi românești*) и «Аврора») материалов пропагандистского характера. К примеру, советская сторона возражала против опубликования статьи, посвященной выступлению Николае Чаушеску на собрании центрального партийного и государственного актива 3 августа 1978 года, мотивируя это тем, что статья была «полностью неудачной». Реакция советского собеседника на предложение румынского дипломата распространить выступление Чаушеску в виде приложения к бюллетеню посольства была отрицательной³⁵.

Румынские власти также запрещали распространение посольством СССР в Бухаресте пропагандистских материалов, которые своим содержанием противоречили установленным нормам. Так поступили в случае запрещения книги «Советская Молдавия», написанной первым секретарем ЦК КП Молдавии Иваном Ивановичем Бодюлом, выпущенной в 1978 году, в которой был включен ряд тезисов советской историографии об истории Бессарабии. Также в июне 1978 года румынские

33 Ibid, 92–93.

34 Ibid, 104.

35 Arhivele Naționale Istorice Centrale, Secția Relații Externe, dosar nr. 189/1978, 128.

власти запретили распространение в Румынии выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, в котором были сформулированы критические высказывания в адрес внешней политики Китая.

20 июля 1978 года ЦК КП Молдавии информировал ЦК КПСС о том, что в Румынии «существенно активизировалась и расширилась кампания фальсификации основных исторических событий и объективных концепций о Молдавии, о русско-румынских и советско-румынских отношениях, вырисовывалась все яснее ее антимолдавское антирусское и антисоветское направление»³⁶. Через несколько месяцев, в письме, адресованном 1 ноября 1978 года в ЦК КПСС, кишиневские власти обращали внимание на те же самые явления, в том числе касающиеся контактов по линии местных партийных органов приграничной зоны³⁷. Выявлялся тот факт, что при встречах с делегациями из Молдавской ССР румыны пытались «навязать в неофициальной атмосфере провокационные беседы, касающиеся территориальных вопросов, истории Молдавии, совместной общности молдавского и румынского языков, национальных традиций» и т.д.³⁸

Озабоченность кишиневского руководства была выражена и в письме, подписанном первым секретарем ЦК КП Молдавии Бодюлом, адресованном председателю КГБ Ю. В. Андропову, в котором он просил увеличение численности КГБ Молдавской ССР для того, чтобы справиться с «враждебными усилиями» специальных служб и идеологических центров империалистических государств против СССР и Молдавской ССР. «Противник – указывалось в письме, – уделяет особое внимание проведению идеологических диверсий, в том числе в плане использования так называемого „бессарабского вопроса“». Уточнялось также, что эти провокационные действия разделялись руководством Румынии, официальные органы которой «вступили на путь отрицания существования молдавской нации и молдавской государственности, подчеркивания исторической несправедливости воссоединения Бессарабии с СССР»³⁹.

Не только в Молдавской ССР, но и в Украинской ССР продолжали появляться публикации, противоречащие достигнутым на высоком уровне договоренностям. Как отмечалось в одной записке Отдела пропаганды ЦК РКП, подготовленной перед Крымской встречей на высоком уровне 31 июля 1981 года, в 1980 году и в первой половине 1981 года

36 E. NEGRU, GH. NEGRU, PCM și naționalismul, 69–70.

37 Ibid, 117–118.

38 Ibid, 118.

39 Ibid, 119.

в СССР продолжали появляться, «хотя и в меньшей мере, чем в предыдущие годы», материалы, в которых аспекты истории румынского народа, румыно-русских и румыно-советских отношений трактовались «ненаучным образом, вопреки договоренностям, достигнутым между партийными и государственными руководствами Румынии и Советского Союза»⁴⁰.

Обращалось также внимание на то что основные ориентиры, которые вытекали из данных материалов, касались «настойчивой попытки доказать, что аннексирование царской Россией Бессарабии в 1812 году было – якобы – справедливым прогрессивным актом освобождения, логическим последствием вековой войны, которую молдаване вели рядом с русскими и украинцами против османов»⁴¹. В этом смысле цитировалась работа «Исторические корни дружественных связей между украинским и молдаванским народами», изданная в Киеве в 1980 году,⁴² а также еженедельники «Молдова Социалистэ» и «Советская Молдавия». Отмечалось также, что в журнале «Коммунист Молдавии» (1981. № 5) в ответ на тезис об аннексии Бессарабии Россией в 1812 году ее присоединение к Королевству Румыния в 1918 году было представлено как акция захвата и колонизации⁴³. Упоминались также «культурная политика румынизации молдавского народа», «подавление национальной молдавской культуры» в межвоенный период. В трактовке периода 1941–1944 годов еженедельник «Советская Молдавия» 21 июня 1981 года говорил об «иге немецко-румынских захватчиков», «германо-румынской фашистской оккупации», «зверствах и беспределе немецких и румынских захватчиков» на молдавской территории. Отмечалось также что после XV Международного конгресса исторических наук, проведенного в Бухаресте в августе 1980 года, члены советской делегации критиковали в различных публикациях доклады и выступления румынских историков⁴⁴.

Вопреки определенному сближению позиций на высоком уровне в румыно-советских отношениях, руководство Молдавской ССР продолжало сохранять антирумынское настроение. Из опубликованных

40 *Arhivele Naționale Istorice Centrale, Fond C.C. al P.C.R., Secția Relații Externe, dosar nr. 176/1981, 105.*

41 *Ibid.*

42 И. А. Анцупов, Ю. Ю. Кондуфор (ред.), *Исторические корни дружественных связей и дружбы украинского и молдавского народов* (Киев: Наукова думка, 1980)

43 *Ibid.*, 106.

44 *Ibid.*

документов можно узнать, что руководство КП Молдавии было озабочено масштабом выступлений среди населения этой республики, охарактеризованных как «имеющие националистический характер». Кишиневский историк отмечал, что пиковый момент кампании, связанной против националистических настроений в Молдавской ССР, был достигнут 5 мая 1982 года, когда Гавриил Моисеевич Волков, председатель КГБ этой республики, посылал ЦК КП Молдавии письмо «О тенденциях усиления проявления молдавского национализма в республике». В нем Румынию обвиняли в том, что она посылала «различными каналами все большую националистическую литературу»⁴⁵. Волков сигнализировал одновременно, что в целях националистического воспитания ряда советских граждан «румыны прибегают больше, чем в предыдущие годы, к каналам туризма и частных визитов»⁴⁶.

Об озабоченности руководства Молдавской ССР ростом национализма говорит выступление Григория Исидоровича Еремее, члена Бюро ЦК КП Молдавии, на заседании этого органа 3 августа 1982 года. Молдавский деятель подчеркивал, что «в приграничных районах все антенны были обращены в сторону Румынии». Он говорил о необходимости вести «ожесточенную борьбу в этом отношении»⁴⁷.

После определенного периода нормализации в румыно-советских отношениях стали появляться моменты напряжения, вызванные различными оценками некоторых вопросов совместной истории. Так случилось после появления в Бухаресте романа «Кулак и ладонь» (*Pumnul și palma*), написанного писателем Думитру Попеску, занимавшим должность члена Политисполкома ЦК РКП и ректора Партийной академии имени Штефана Георгиу. «Литературная газета» опубликовала 4 мая 1983 года статью «С кулаками на историю»⁴⁸, в которой автор, Пимен Буянов (надо предполагать, что это псевдоним – В. Б.), обращал внимание на то, что в румынской литературе ощущалась «беспокоящая тенденция ревизии того, что давно было достигнуто и установлено»⁴⁹. «Некоторые писатели и публицисты – писал Буянов, – начинают трактовать историю как будто с личной точки зрения, не считаясь ни с ре-

45 GH. NEGRU, "Intensificarea 'manifestărilor naționaliste' în R.S.S.M. la începutul anilor '80", *Destin românesc: Serie nouă*, no. 3 (73) (2011), 100.

46 Ibid, 111–112.

47 Ibid, 140.

48 П. Буянов, «С кулаками на историю. Заметки на полях романа румынского писателя Думитру Попеску», *Литературная газета*, 4 мая (1983).

49 D. POPESCU, *Angoasa putrefacției, Cronos autodevorându-se... Memorii IV* (București: Curtea Veche, 2006), 332.

альными событиями, ни даже с оценками, сделанными в официальных румынских документах. Они создают как будто собственную историю, которую интерпретируют в личной манере, вступая часто в явное противоречие с фактами»⁵⁰. Румынского автора упрекали в том, что при описании Москвы и Ленинграда, встреч с советскими людьми он «не отстаёт от буржуазных писателей и журналистов, привыкших уже к пропаганде антисоветизма». «Порой – продолжал Буянов, – есть ощущение, что автор вступил как будто в состязание с ними и старается изо всех сил перегнуть»⁵¹. Румынского писателя обвиняли также в том, что он «извращает моральный профиль солдата-освободителя Советской Армии, характер прошедшей войны»⁵².

В ответ на эту статью, с одобрения партийного руководства, газета «Литературная Румыния» (*România Literară*) опубликовала 12 мая 1983 года ответ под заглавием «Ножницами против правды», написанный литературным критиком Помпилиу Марча⁵³. В частности он отмечал, что роман не был переведен на русский язык, а, значит, не был широко знаком советскому читателю. Его идейное содержание было полностью проигнорировано, в результате чего сложился «произвольно фальшивый, извращенный образ книги». На основе конкретных примеров румынский критик демонстрировал аргументы советского автора, сожалея о том, что «подобные атаки, лишённые элементарной ответственности и честности, могут отрицательно сказаться на столь сердечных, принципиальных и товарищеских отношениях, существующих между писателями двух стран»⁵⁴. Другая статья «Классовый подход или эклектическая теория факторов» появилась в советском журнале «Новое время». Она была написана журналистом Эдуардом Баграмовым и также содержала критику в адрес романа румынского писателя⁵⁵.

По мнению историков Елены Негру и Георге Негру в начале 1980-х годов «агрессивные выступления официальных учреждений МССР, касающихся “румынской и западной пропаганды”, снизился по степени интенсивности и лавина “информаций” такого рода, направляемых

50 Ibid.

51 Ibid, 334.

52 Ibid, 335–336.

53 P. MARCEA, “Cu foarfecile împotriva adevărului”, *România Literară*, no. 19, 12 mai (1983), 9. К слову, этой статье предшествовал перевод на румынский язык упомянутой статьи Пимена Буянова.

54 D. POPESCU, *Angoasa putrefacției*, 348.

55 Э. БАГРАМОВ, «Классовый подход или эклектическая теория факторов?», *Новое время*, no. 16 (1983), 18–19.

ЦК КП Молдавии в ЦК КПСС уменьшилась». Авторы подчеркивают, что увеличилось, однако, число документов о внутренней ситуации в Румынии, в том числе об исторической деятельности, а также о внешней политике Румынии. Большинство из них были разработаны в посольстве СССР в Бухаресте, в МИД МССР, а также в учреждениях Академии наук МССР и Академии наук СССР⁵⁶.

На этом фоне столетие со дня рождения румынского дипломата Николае Титулеску было отмечено в Советском Союзе на собрании, организованном Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР, в рамках которого историк Маргарита Дмитриевна Ерещенко говорила о выдающемся румынском дипломате, об его активной роли в восстановлении дипломатических отношений между Румынией и СССР. Совсем иную точку зрения высказал историк Алексей Алексеевич Шевяков в журнале «Вопросы истории»⁵⁷. Автор сформулировал ряд критических замечаний в адрес внешней политики Румынии в межвоенный период, политики, проводимой Титулеску, которого упрекал в том, что тот поддержал политику Англии и Франции, направленной в сторону дестабилизации ситуации на границе СССР. По мнению советского историка, Титулеску, принадлежав к правой элите страны, как и все остальные руководители Румынии, нес политическую ответственность за оккупацию Бессарабии и за отсутствие желания на протяжении долгого времени решить мирным путем спорные проблемы с Советским Союзом⁵⁸.

С приходом к власти М.С. Горбачёва, спорные вопросы в совместной румыно-русской/советской истории отошли на второй план. Они продолжали существовать, но больше на них не обращали внимания в двусторонних контактах на высоком уровне.

References

I. A. ANTUPOV, Iu. Iu. KONDUFOR (EDS.), *Istoricheskie korni sviazi i druzhby ukrainskogo i moldavskogo narodov* [The Historical Roots of the Ties and Friendship between the Ukrainian and Moldavian Peoples] (Kiev: Naukova dumka, 1980)

56 E. NEGRU, GH. NEGRU, PCM și naționalismul, 11.

57 А. А. ШЕВЯКОВ, «Советско-румынские отношения и Николае Титулеску», *Вопросы истории*, no. 5 (1982): 46–59.

58 G. POTRA, *Titulescu. După 50 de ani din nou acasă* (Sebeș: Fundația Europeană Titulescu, 2013), 323.

Arhivele Naționale Istorice Centrale [Central National Historical Archives]. Fond C.C. al P.C.R. Secția Propagandă și Agitație, dosar nr. 17/1975.

Arhivele Naționale Istorice Centrale [Central National Historical Archives]. Secția Relații Externe, dosar nr. 189/1978.

Arhivele Naționale Istorice Centrale [Central National Historical Archives]. Fond C.C. al P.C.R., Secția Relații Externe, dosar nr. 176/1981.

E. A. BAGRAMOV, "Klassovy podkhod ili eklekticheskaia teoriia faktorov?" [Class Approach or the Eclectic Theory of Factors?], *Novoe vremia*, no. 16 (1983), 18–19.

P. BUIANOV, "S kulakami na istoriiu. Zametki na poliakh romana rumynskogo pisatelii Dumitru Popescu" [With Fists Raised Against History: Notes in the Margins of the Novel by the Romanian Writer Dumitru Popescu], *Literaturnaia gazeta*, 4 May (1983).

RODICA CHELARU, *Culpe care nu se uită. Convorbiri cu Cornel Burtică* [Guilt That Is Not Forgotten: Conversations with Cornel Burtică] (București: Curtea Veche, 2001).

N. I. LEBEDEV, "Nekotorye voprosy istorii vneshnei politiki Rumynii v osveshchenii burzhuaznoi istoriografii" [Some Issues of the History of Romania's Foreign Policy as Interpreted in Bourgeois Historiography], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3 (1967): 146–153.

POMPIIU MARCEA, "Cu foarfecile împotriva adevărului" [With Scissors against the Truth], *România Literară*, no. 19, 12 mai (1983): 9.

ELENA NEGRU, GHEORGHE NEGRU, "PCM și naționalismul: Documente adunate în cadrul programelor de cercetare efectuate de către Comisia pentru studierea și aprecierea regimului totalitar comunist din Republica Moldova" [The PCM and Nationalism: Documents Collected within Research Programmes Conducted by the Commission for the Study and Evaluation of the Communist Totalitarian Regime in the Republic of Moldova], *Destin românesc: Serie nouă*, no. 5–6 (2010): 1–334.

ELENA NEGRU, GHEORGHE NEGRU, "*Cursul deosebit*" *al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Vol. 1 (1965–1975)* [Romania's "Special Course" and Moscow's Discontent: The Soviet–Romanian Dispute and Anti-Romanian Propaganda Campaigns in the Moldavian SSR (1965–1989). Study and Documents. Vol. 1 (1965–1975)] (Chișinău: Institutul Cultural Român, 2013).

GHEORGHE NEGRU, "Intensificarea 'manifestărilor naționaliste' în R.S.S.M. la începutul anilor '80" [The Intensification of 'Nationalist Manifestations' in the Moldavian SSR in the Early 1980s], *Destin românesc: Serie nouă*, no. 3 (73) (2011): 99–151.

A. A. SHEVIAKOV, 1982. "Sovetsko-rumynskie otnosheniia i Nikolae Titulesku" [Soviet–Romanian Relations and Nicolae Titulescu], *Voprosy istorii*, no. 5 (1982): 46–59.

S. M. SHTEMENKO, *Osvoboditel'naia missiia Sovetskoi Armii* [The Liberating Mission of the Soviet Army] (Moskva: Znanie, 1975).

DUMITRU POPESCU, *Angoasa putrefacției, Cronos autodevorându-se... Memorii IV* [The Anguish of Putrefaction, Cronos Devouring Himself... Memoirs IV] (București: Curtea Veche, 2006).

GEORGE POTRA, *Titulescu. După 50 de ani din nou acasă* [Titulescu: After 50 Years, Home Again] (Sebeș: Fundația Europeană Titulescu, 2013).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, op. 60, d. 31.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, op. 61, d. 61.